

Два отпуска в Туркмении

Category: Kitapcy, Ýol ýazgylary

написано kitapcy | 22 января, 2025

Два отпуска в Туркмении ДВА ОТПУСКА В ТУРКМЕНИИ

■ От автора:

Разнообразие животного мира Туркмении всегда привлекало множество исследователей природы. В этом регионе работали териологи и орнитологи, герпетологи и энтомологи, ботаники и многие другие исследователи.

На вершине хребта Караелчи. Юго-западный Копетдаг. Я – орнитолог любитель. Профессионалом человек без высшего специального образования называться не может, а моё образование – среднее. Несмотря на то, что я работаю в настоящее время в Московском зоопарке с птицами. Работаю уже восемнадцать лет, из которых первые два года работал с хищными птицами, а остальное время с водоплавающими (утки, гуси, лебеди и т.п.).

С детства, вернее сказать, лет с девяти, меня интересовали хищные птицы. Не то чтобы меня привлекал величественный вид этих птиц, скорее привлекало само хищничество и красивый полёт. Много на планете наземных хищников (львов, тигров, волков и т.д.). Эти звери ещё раньше привлекали меня своей силой, размерами, тем как они охотятся. Но однажды, как раз в девятилетнем возрасте, я впервые увидел в передаче «В мире животных» фильм об охоте с ловчим орлом-беркутом на очень серьёзного и уважаемого мной, сильного зверя – волка. И когда птица в тяжёлой борьбе задержала волка своими когтистыми лапами, удивлению моему не было предела. С тех самых пор у меня непрекращающаяся любовь к этому орлу и другим хищным птицам, которыми с того самого времени я заинтересовался, а в дальнейшем стал изучать серьёзно. Изучать пришлось одному, без помощи специалистов. В кружки меня никто в своё время не отдавал и знакомых орнитологов тоже не было. Когда уже стал работать в зоопарке, мне удалось раздобыть замечательные книги

по орнитологии, в которых содержалось много интереснейшей информации по хищным птицам. Это был шеститомный определитель «Птицы Советского Союза» написанный известнейшим орнитологом современности Георгием Петровичем Дементьевым. Позже приобрёл «Конспект орнитологической фауны СССР», составленный Львом Суреновичем Степаняном, учеником и последователем Георгия Петровича.

Эти две книги – учебники, стали для меня настольными книгами, с которыми в своё время я не расставался ни днём, ни ночью, и это не преувеличение. В выходной день с утра открывал книги, в течение дня отрывался на десять минут, чтобы перекусить, и иногда засыпал глубокой ночью, лёжа головой на раскрытой книге. Книги эти содержат в себе информацию по систематике птиц. Эта область орнитологии меня занимает и в настоящее время. Мне было интересно не только распознавать птиц в полёте, хотя определение хищных птиц это мой конёк, меня привлекали и другие аспекты (поведение, биотоп, географические расы или подвиды, морфология как видов, так и подвидов). Я сторонник того, чтобы птицы изучались орнитологами в местах обитания с помощью бинокля и фотоаппарата, а не с помощью ружья. С ружьём изучали птиц в прошлом и позапрошлом веках, когда птицы только открывались и описывались исследователями; тогда же и систематизировали орнитофауну. Но в настоящее время почти не осталось не описанных видов птиц. Существуют описания как видов, так и подвидов всех птиц, в частности хищных. И орнитологи должны научиться распознавать птиц в полевых условиях до подвида, хотя это весьма не простая задача, требующая очень хорошей и детальной зрительной памяти. Но это единственная возможность точно фиксировать птиц в местах их обитания, а также во всевозможных залётах.

В Туркмении я был в 1990 – 1991 годах, в марте и апреле, на одном из самых интересных участков горной системы Копетдаг. Это Юго-Западная граница Копетдага, Сянт – Хасардагский заповедник. Царство хищных птиц.

Об этом уникальном месте, о животном мире и о людях повествуется в этом рассказе-воспоминании. Надеюсь, этот рассказ не оставит читателя равнодушным – будь он орнитолог

или просто интересующийся природой человек, я постарался внести в рассказ немного юмора, но судить вам.

Часть первая / Глава 1

■ Прибытие

Мои хорошие знакомые, орнитологи-профессионалы, которые работали сначала в Московском зоопарке, а потом на несколько лет переехали в Туркмению на Юго-западный Копетдаг в Сунт-Хасардагский заповедник, прислали мне приглашение поработать в отпуск в заповеднике. Не так-то просто оказалось уехать в тот район Туркмении. Пришлось по запросу Кара-Калинского района оформлять в Москве специальный пропуск на въезд в пограничную охранную зону Кара-Калы. Ведь это рядом с границей Ирана.

Отъезд мой из Москвы сопровождался сложностями, но все же я поехал в свое по-настоящему первое и практически единственное путешествие в мир гор и птиц, где людям нужны были мои знания пернатых хищников, для дела заповедника.

Разница во времени между Москвой и Ашхабадом – два часа. В аэропорту Домодедово я был уже около одиннадцати вечера по московскому времени. Мой самолет рейсом Москва – Ашхабад, вылетает в два часа тридцать минут ночи. Продолжительность полета ТУ – 154 – три часа двадцать минут, это с залетом в Красноводск. В результате я улетаю в семь часов утра: Рейс откладывали из-за тумана над Красноводском. Я был, как говорят, «на нервах», все время ожидания ничего не ел и не пил. И вот, наконец, самолет в воздухе.

Я устал, ребра болят, так как ночью надо было хоть чуточку вздремнуть или просто полежать, прислушиваясь, когда же объявят посадку на самолет. А лежать пришлось на каменных ступенях, так как сиденья в зале ожидания аэропорта были заняты. Бессонная ночь, усталость, в воздухе уши закладывает, особенно при снижении самолета. Но надо отдать должное большим самолетам: они легче переносятся, чем старина «кукурузник». Прилетаю в Ашхабад в десять с чем-то по московскому и в восемь с чем-то по ашхабадскому времени. И так уйму времени потерял. В общем – бегом на автобусную станцию. В билетной кассе

автовокзала на ломанном русском, туркменка объявила, что билеты на автобус до Кызыл-Арвата раскуплены на два дня вперед. Хоть сквозь землю проваливайся! Стою и наблюдаю, как автобус за автобусом отходят до Кызыл-Арвата.

Кызыл-Арват от Ашхабада примерно в 360 км, а от Кара-Калы, который располагается ближе к границе с Ираном, – в семидесяти.

Вот и последний рейсовый автобус. Отправление в шесть вечера по Ашхабадскому времени. Я стою перед водителем и «канючу»: возьмите, мол, меня с собой. Он огляделся вокруг – начальства нет, и запустил меня в автобус. Посадил в проходе на дощечку, так я и доехал до Кызыл-Арвата. В Кызыл-Арвате автобус опоздал на тридцать минут к последнему рейсу до Кара-Калы. Пришлось заночевать в гостинице недалеко от автостанции.

Гостиница стоит того, чтобы ее «воспеть» отдельно. Гостиница одноэтажная, снаружи напоминает барак, а внутри – заброшенную захолустную больницу.

Я остановился в «палате» – номер, правда, не помню. Помню, на улице было теплее, чем внутри гостиницы хоть было начало марта: ложишься в одежде и сверху накидываешь одеяло, под которым прячешь и уши, и нос. На просьбу указать, где находится туалет, мне показали на дверь в конце коридора. Я толкнул дверь и очутился на улице. Метрах в десяти стоял легендарный дачный деревянный сортир. Все бы ничего, но была одна сложность: доступ к сортиру был в радиусе пяти метров завален, прошу прощение – дерьмом. Туалет один, маленький, а народу нетерпеливого много. Вот так, выскивая пятаки голой земли, сколько мог, пропрыгал к заветному месту.

Так я отдохнул в гостинице и утром в половине шестого уехал в Кара-Кала на первом автобусе. По дороге проверяли разрешение на въезд в пограничную зону.

Кара-Кала – огромный поселок. Здесь проживает около двух тысяч человек. И должен заметить, что туркмены, живущие в Ашхабаде, сильно отличаются от Кара-калинских. Ашхабадские напоминают тех, что на московских рынках торгуют. А кара-калинские это уже те туркмены, которые «настоящие» туркмены. Женщины носят национальные халаты обычно блестящих синего и зеленого цветов.

Многие женщины, даже пожилого возраста сидят на корточках на обочине вдоль дороги (похоже обычай такой). Причем, европеец в такой позе долго не просидит, а они могут весь день не менять положения. Пастухи-мужчины как в кино – в овечьих шапках, на плечах накидка, в руках палка-посох. У некоторых есть пастушьи собаки, обычно – среднеазиатская овчарка или алабай. Здесь принято здороваться со старейшинами, говоря: «Салам, Ешули», что означает: «Приветствую тебя, достопочтеннейший».

Кара-кала не был моим конечным пунктом. Мне предстояло проделать еще четырехкилометровый путь, углубляясь в предгорья, к не большому поселку Пархай, в котором располагалось правление Сунт-Хасардагского заповедника. Я шел сначала по асфальтовой дороге, чтобы первый раз не заблудиться. Иду и, как подобает орнитологу, рассматриваю «небеса обетованные» на предмет хищных птиц и другого. Отмечаю первые встречи.

Тема моей работы в заповеднике – весенний пролет степных орлов, а остальные наблюдения личного дополнения. По дороге из Кара-калы на Пархай, еще не добравшись до дома, я уже встретил достаточно редких птиц, это были змееед и стервятник. Среднеазиатский змееед заметно крупнее европейского и темней окраской. На Юго-Западном Копетдаге встречал этих птиц не очень часто. А вот стервятника за два отпуска видел раза три не больше, так что почитаю за удачу.

Итак, я добрался до дома часам к девяти по местному времени. Я усталый с дороги встал в дверях и поздоровался с хозяйкой, Ольгой. В ответ услышал: «Разувайся, я только вымыла пол». Только после этого Ольга расспросила, как я доехал, и сказала, что ждали меня еще накануне вечером. Ну, я и поведал и про автостанцию, и про гостиницу, и про сортир. В общем, хоть и устал и почти двое суток не ел, но все же настроение было хорошее. Ольга налила мне тарелку супа. Как ни странно, я наелся одной тарелкой и больше не захотел, хотя вообще-то до еды я охочий. Днем вернулся Сергей с годовалой дочкой Анечкой в детской сидушке, что была подвешена у Сергея за плечами подобно небольшому рюкзаку.

Глава 2

■ Моя работа, мои первые наблюдения

Сергей был старшим научным сотрудником в Сянт-Хасардагском заповеднике. Очень хороший орнитолог – профессионал, уже около десяти лет проработавший в данном регионе Туркмении. Здешних пернатых обитателей Сергей знал, как свои пять пальцев на руке. Он-то и стал моим работодателем и шефом. Устроили меня на лаборантскую ставку, да еще в дальнейшем начисляли за полевые выезды в дальние районы за пределы заповедника. В общем, и удовольствие от природы, и заработок.

Склоны Каркаелчи. Гора Исак.

Сергей объяснил мне задачу работы и принцип наблюдения за пролетом степных орлов. Он указал мне горный хребет Караелчи, на котором я должен был исследовать каждое ущелье с указанием гнезд хищных птиц, как жилых, так и брошенных птицами, и составить план-схему хребта.

И вот почти каждый день, часов в восемь-девять я уходил на маршрут, а возвращался к шести-семи вечера. Конечно, работа была мне в удовольствие, тем более, что сбылась моя мечта побывать в Средней Азии и увидеть большое разнообразие хищных птиц, которых в таком количестве, пожалуй, нет нигде на территории СНГ. Юго-Западный Копетдаг оказался весьма удачным местом с точки зрения разнообразия хищников. Биотоп здесь отличается от Центрального Копетдага. Во-первых, в Юго-Гора Сянт. Западном горы пониже и пореже. Во-вторых, много предгорий, холмов, барханов небольшой высоты. Идеальные места для отдыха степных орлов. Две самые высокие точки, это вершины гор Сянт (1587 м) и Хасардаг (1638м). На этих двух горах и располагается территория заповедника. Хочу немного описать окрестности нашего поселка Пархай. Если смотреть на окрестность Пархая сверху хребта Караелчи, то видно, что вся местность сплошь покрыта холмами. Но, пожалуй, самым интересным видом пархайского пейзажа являются так называемые Лунные горы. Это небольшие холмы, высотой от одного и до восьми метров, содержащие очень большое количество соляных

отложений. На этих горках не произрастает никакой растительности вообще. Яркий желтовато-зеленоватый цвет горки на фоне остальной местности создает впечатление искусственно насыпанного холма из золотого песка. Такие горки встречаются еще в двух-трех местах в Туркмении, и больше такого нет Лунные горки. Юго-западный Копетдак. нигде в мире. В Москве я рассматривал слайды, на которых запечатлел пейзаж с лунными горками, было похоже, что смотришь картины Николая Рериха: жёлтая горка, за ней серые холмы, над ними более дальняя полоса синих гор, потом над горами полоса белого тумана, а над ней голубое небо.

Когда я приехал на Пархай, было 5 марта 1990 года. Погода была еще холодная для этих мест, примерно +13 +15 градусов. Периодически шли проливные дожди. Вообще март и апрель - дождливые месяцы на Юго-Западном Копетдаге.

Итак, отдохнув, ближе к вечеру я вышел посмотреть птиц в окрестностях Пархая, так сказать, адаптироваться к определению орлов в полевых условиях. Я много раз видел этих птиц в вольерах зоопарка, а вот на воле впервые. Я ожидал трудности в определении, но как ни странно, проблем это не вызвало. Я встретил трех взрослых орлов могильников. И должен заметить, что взрослых птиц больше не видел, а вот молодые, до трех лет, то есть не половозрелые особи орла могильника встречал с первой декады апреля. Взрослые орлы (не только могильники) возвращаются в период размножения на места гнездования, а летящая позже молодежь влияет на расширение ареала вида. В тот же день помимо взрослых могильников около поселка Пархай встретил степных орлов (их было пять), причем двух подвидов, западного и восточного. Между ними есть несколько различий, как в окраске оперения, так и в силуэтах летящих птиц.

Я рассказал об этом Сергею. Мы просмотрели имеющуюся литературу по восточному степному орлу и нашли указание о пролете орла в местах относительно недалеко расположенных от Копетдага. Теоретически этот подвид может пролетать через Юго-Западный Копетдаг. А он здесь пролетает, да еще треть от общего числа.

Совсем вечером, то есть когда стемнело, Ольга озадачила меня,

поручив наблюдать за годовалой Анечкой, и в дальнейшем это стало моим основным вечерним занятием. В это время Ольга могла спокойно что-нибудь приготовить к ужину. Анечка была непоседой, так и норовила нырнуть с дивана. Помню, пытался заинтересовать ее игрушками – пирамидкой, куклой, погремушкой. Но все это было не интересно, а вот что у Анечки пользовалось спросом, так это пустая литровая консервная банка из-под гороха. Она старательно пыталась запихнуть банку себе в рот, но безрезультатно. Но она «дама» принципиальная, и принцип таков: «если долго мучиться, что-нибудь получится». Наконец, я предложил ей свои часы. Этот предмет оказался для нее сложной игрушкой. Она долго рассматривала часы с металлическим ремешком, потом решила осторожно попробовать ремешок на зуб. После этого Анечка что-то уразумела и с восторженным визгом принялась их трясти. Наконец ужин готов, Ольга забирает чадо к себе. Чувство свободы как волна нахлынуло на меня в один момент.

Сергей, после того как появился первый ребёнок, выработал определенный режим: с утра до шести вечера в полях ведет наблюдения и учет птиц, потом хлопочет по домашнему хозяйству, а в девять вечера устраивает мытье ребенка в корыте. А обработка материала на компьютере – с часа ночи до четырех утра. Поэтому, когда дело доходит до мытья ребенка, Сергей с сонными глазами держит мочалку и периодически «клюет» носом прямо в корыто. Ладно, все это – лирика.

Ольга тоже научный сотрудник. Она занимается вольерным разведением фазанов и турачей в питомнике Сянт-Хасардагского заповедника. Затем выращенных птиц выпускают в их исконные места обитания. Часто приходилось рано утром слышать, как дикие турачи общались с турачами из питомника. Вообще на Юго-Западном Копетдаге из куриных птиц довелось видеть в природе фазана, турачей, много кекликов и пустынную куропатку, или «чиля» (местное название).

Глава 3

■ Кольцевание птиц

Пожалуй, в любом охраняемом уголке природы, где есть скопление птиц, ведется работа по кольцеванию. Метят птиц для того, чтобы проследить разные аспекты их жизни. Можно фиксировать возвраты птиц, место их нахождения, если птицу поймали в другом месте и сообщили в центр кольцевания. Также можно определить возраст птицы и т.д. и т.п.

Сергей с Ольгой недалеко от дома в тростниках установили две паутинные сети, которые три раза в сутки проверялись. В сетях кто только не побывал – и испанские воробьи, и широкохвостки, и тонкоклювая с индийской камышовки, даже бекас и угод попадались. Помню, когда попался угод, я впервые держал в руках этого красавца. Я лег на диван удода положил себе на грудь и гладил. Он притих и внимательно поглядывал на меня. Понял, что его не съедят, поэтому был спокоен. Я выпустил его на улицу, птица взлетела на ближайший столб, сказала: «уп-уп-уп» и принялась чиститься.

К дому есть пристройка из сетчатых вольер. Здесь разводят попугаев – корелл и волнистых. Также содержится всякая певчая птица. Был там и взрослый самец ястреба тетеревиного. У Сергея была идея научить ястреба охотиться для отлова куриных птиц живыми, чтобы потом кольцевать и выпускать обратно. Подобный метод охоты с ловчими птицами практикуется именно для мечения птиц.

Окресности поселка Пархай. Водосборный бассейн.

Сергей попросил меня научить ястреба ловить птиц. Я сказал ему, что от взрослой птицы ничего не добьешься, но обещал попробовать. Так и вышло. В течение трех недель птица на перчатке не задерживалась больше десяти секунд. Я прекратил это занятие, хотя у меня была некоторая практика в содержании ловчих птиц. Идея отлова птиц живыми с помощью ястреба мне самому тогда понравилась.

Кулик-ходулочник. Недалеко от Пархая есть интересное озерцо, вернее, водосборный бассейн. Вид у озера живописный. Мы можем представить озера в средней полосе России: зеркальная поверхность озера, прохлада, кувшинки с купальницами, ряска, деревья, склонившиеся над водой. А здесь вокруг озера цвета аквамарина – пятнадцатиметровые, салатового цвета холмы. И вот

вижу однажды: летает надКулик-ходулочник на воде водой кулик ходулочник. Своё название этот кулик оправдывает полностью. Из-под хвоста летящей птицы торчат чуть ли не длиной с саму птицу красные ноги. Ходулочник сел на воду, а вода по колено. Если бы вместо воды представить землю, то та часть ног, что осталась над поверхностью, смотрелась бы как нормальной длинны ноги какого-нибудь большого улита. А когда ходулочник взлетел, за ним из воды вылезла еще большая часть ног, чем та, что была над поверхностью воды. Круглоносый плавунчикПотом я увидел круглоносого плавунчика. И, напоследок, над головой пронесся серый гусь с ошалелым взглядом и выщипанной шеей. «Не иначе из Кувейта летел», – шутил Сергей. На этом озере, Сергей рассказывал, он видел стаи ходулочников и караваек. Бывало, говорит, испугнешь – они взлетят, раскричатся, покружат и садятся обратно, ведь по близости водоемов больше нет. В окрестностях озера встречаются кактусы опунции высотой сантиметров 50 – 70, завезенный в Среднюю Азию вид. Условия оказались подходящими. Дикорастущие кактусы для меня, москвича, в диковинку.

Глава 4

■ Хребет Караелчи

С 6 марта 1990 года началось мое ознакомление с местом исследования, горным хребтом Караелчи. От Пархая хребет располагался километрах в двух. Его протяженность – несколько более четырех километров. Он упирается и соединяется с горой Сянт. Самая высокая точка хребта Караелчи – гора Исак 997 метров. Хребет изрезан ущельями на северном склоне, северный склон более пологий чем южный.

Ущелья располагаются в среднем в ста пятидесяти метрах друг от друга. Дневной план состоял в том, чтобы дойти до хребта, по одному ущелью забраться на верх, попутно осматривая обе стороны ущелья на предмет гнезд, а потом спуститься по соседнему ущелью с той же задачей. Этот маршрут занимал время с девяти утра до шести вечера. Когда я подошел к подножью Исака, мне показалось, что вершина с девятиэтажный дом, и что

заберусь наверх максимум минут за двадцать. Но это лишь оптический обман. Я быстро по-спортивному залез на вершину. Посмотрел на часы: прошёл один час сорок минут, я упарился от спешки. А если идти спокойно, то получалось два часа подъема и столько же спуска. Правда спуск утомляет больше, чем подъем.

Я шел до хребта, по дороге учитывая степных орлов, которые летят почти каждый день вДорога от хребта Караелчи к поселку Пархай небольшом количестве. Приходилось указывать время встречи, приблизительное расстояние до птицы и направление полета – откуда и куда. По возможности указывал подвиговую принадлежность птицы и количество особей. Дорога от Пархая к хребту с двух сторон обрамляется стенами ущелья, расстояние между которыми начинается с тридцати метров, а к середине пути достигает трёхсот метров. Высота этих стен метров 25 – 30. С правой стороны, если стоять лицом к хребту, на стене в нише на высоте двадцати метров гнезвился белоголовый сип. Крупный хищник-падальщик с размахом крыльев до 2,8 метра. В Туркмении он весьма обычен, встречается чаще черного грифа. Вдали почти, у самого хребта виднелись два квадратных белого цвета бассейна, это сероводородные источники. Говорят, что целебные, но запах там стоит весьма крепкий. В дальнейшем мы купались в этих бассейнах, но так как народу там собирается иной раз много, мы ходили за двести пятьдесят метров, к трубе, из которой лилась вода из бассейнов, и под ней принимали душ.

Норка черношейной каменки. Неподалеку от хребта на небольшом земляном обрывчике высотой в один метр двадцать сантиметров в песчаночьей норе загнездилась черношейная каменка. Единственная из каменок, которая к гнезду в глубине норы от самого входа выкладывает дорожку плоскими камешками. Интересная особенность у этого вида, и наверняка имеющая свою эволюционную предысторию.

Я начал подъем по ущелью. На дне ущелья обычно имеются пересохшие каменные пороги, по которым когда-то бежала вода. Еще внизу ущелья попадались окаменелые морские ежи, аммониты и др. Похоже, эта местность, когда-то очень давно была морским дном. На дне ущелий, по которым хоть немного течет вода, растут деревья пятнадцать – двадцать метров высотой и

кустарники, здесь гнездятся разные водолюбивые птицы – чёрный дрозд, певчая славка. Певчую славку я видел впервые живьем и слышал ее очень красивое пение, на мой взгляд, не уступающее песне нашей славке-черноголовке. Где-то в среднем поясе горного хребта встречается на гнездовании обыкновенный ворон. Я находил его гнезда на отвесных стенах ущелья. Однажды я нашел одно такое гнездо на высоте метров двадцать над насыпью у стены ущелья. Я обратил внимание, что на стене почти к самому гнезду проходит карниз, на глаз от карниза до уступа, на котором располагалось гнездо, было около полутора метров. Я прикинул: по карнизу я пройду, а там дотянусь до гнезда и попытаюсь влезть на нишу в которой гнездо. Карниз оказался сантиметров двадцать шириной. Тогда пришлось снять с себя сумку и бинокль, чтобы прижаться к стене поплотнее. Я начал медленно двигаться вверх по карнизу. Я наблюдал, как подо мной резко увеличивается высота обрыва. Честно, стало жутковато без страховки. Но вот большая часть пути пройдена, отступить некуда. Иду дальше, периодически прижимаясь щекой к стене. Добираюсь до заветного места, откуда до гнезда, как виделось с земли, было полтора метра не больше. Вблизи это расстояние превратилось в три с половиной метра. Обидно все же, рисковал, подо мной пятнадцать метров. И вдруг краем глаза заметил, что что-то промелькнуло у противоположной стороны ущелья. Усиленно держа равновесие, я повернул голову и увидел первого молодого могильника. От радости я чуть не грохнулся вниз. Меня переполняли три чувства: желание хорошо рассмотреть птицу, страх перед падением и досада на оставленный внизу бинокль. Что ж, пришлось довольствоваться тем, что было.

Гнезда хищных птиц встречал в нижнем и среднем поясе гор. Большею частью попадались гнезда курганников, это наиболее часто встречающийся хищник на Копетдаге. Самая обычная вариация окраски, как правило, рыжая, реже темно-бурая. Поднявшись на вершину хребта, я находил сложенные друг на друга камни, остатки костерка. Я тоже запечатлел около метеобудки на вершине Исак свое присутствие, положив свой камень сверху. Вид с хребта на долины с барханами, степями, дальними горами рождает в душе некое библейское чувство.

Начинаешь отдаленно понимать, почему Спаситель мира поднимался на гору для молитвы. В действительности здесь, на вершине охватывает какое-то особенное чувство, чувство таинственного покоя.

Вид северного склона с вершины горы Исак

Интересно отметить разницу в ландшафте между северной стороной от хребта и южной. С северной стороны, где склон хребта более пологий, внизу ландшафт образуют сплошные холмы, предгорья, барханы, между которыми белой лентой вьется дорога. А с южной стороны, где более крутой склон, Южный склон Исака открывается степь, за которой вдали видны горы Ирана.

На южном склоне, на отходящей перпендикулярно склону стене, нашел гнездо орла беркута. Гнездо было недавно брошенным. Под ним валялось на два рюкзака черепаших панцирей, там же нашел и перья беркута, старые в помете. Через небольшой промежуток времени увидел и пару орлов. Это были туркестанские беркуты, или, как их еще называют, южно-европейские беркуты (есть североевропейский, он же номинальный подвид, живущий в средней полосе). В этом месте на хребте нашел хорошее перо, кроющее второстепенных маховых, и уже дома в Москве сравнил его с таким же пером североевропейского беркута. И разница была заметная: у туркестанского беркута перо было с буроватым кофейным налетом на беловатом фоне пера, а у номинальной расы – с рыжеватым, попеременно с бурым цветом.

Беркут. Есть на Исаке своя достопримечательность, это произрастающий только в Туркмении и чуть ли не на одном Исаке миндаль метельчатый, или прутьевидный. Кустарник в среднем полтора-два метра в высоту. Растет как бы метелками, вверх Миндаль метельчатый, или прутьевидный прутьями, а каждый прут на верхней половине усыпан белыми небольшими цветочками. Растет миндаль на северном склоне Исака. А на южном обычен красивый цветок рябчик Радде, высотой около сорока сантиметров.

Так совершал я каждодневные походы по ущельям хребта Караелчи. Однажды за мной от самого дома увязался местный пархайский дворовый пес. Некая помесь болонки с таксой или что-то покуче. Приземистый, длинный на коротких толстых лапах с

большой головой, красноватыми глазами, весь курчаво-лохматый серо-черноватого цвета. Я пытался прогнать это чудовище, но оно шло по пятам. Мне сказали, что собаку зовут Барханчик и что он заядлый скалолаз. Вот пришлось взять с собой попутчика. Я ему говорю: «ну, что ж, пойдём со мной, Барханчик, только не жалуйся, если устанешь». Дойдя до подножья хребта, Барханчик ловко преодолел нижний ярус и начал лаять на меня, что, мол, я еле карабкаюсь. На середине пути присели передохнуть. Через десять минут двинулись дальше в гору. Барханчик полежал ещё, подождал, пока я отойду метров на семьдесят, потом встал и начал меня догонять. Ближе к вершине Барханчик уже двигался не быстрее меня. Ему явно хотелось поворчать, мол, чего ты сюда полез? А как добрались до вершины, Барханчик как стоял на четырех прямых лапах, так и рухнул на бок и моментально заснул. На предложенный кусок колбасы песик не прореагировал. Пока Барханчик спал, я отошел в сторону и стал наблюдать за пролетом степных орлов, вернее, ждал, когда орлы появятся в небе. В руках у меня был фотоаппарат «зенит» с портретным объективом. Вдруг заметил: по ущелью, а потом и по поверхности склона скользит огромная тень. Я смотрю вверх и вижу: над головой метрах в десяти летит бородач. Птица довольно Гриф бородачредкая в сравнении с сипами и черными грифами. Я успел заснять птицу на слайд. Через полчаса мы с Барханчиком двинулись вниз. Спускаясь, я заметил молодого самца беркута, который с полусложенными крыльями, ускоряя пикирование, гнался за кекликом. Кеклик камнем упал на дно ущелья в заросли, а беркут, потерпев неудачу, сделал вид, что он просто забавляется, и, как ни в чем не бывало, полетел восвояси. Мы вернулись домой, и больше Барханчик со мной в горы не ходил, по-видимому, этого похода ему хватило сполна. В дальнейшем он поглядывал мне в след, когда я уходил на маршрут, но со мной идти больше не решался.

У Ольги и Сергея была своя собака по кличке Долли. Это ирландский сеттер, огненно-рыжей окраски, девочка. Сергей, я, и Долли часто вместе ходили на маршрут, в том числе и на хребет Караелчи. Для здешних мест сеттер собака необычная, ведь кругом одни среднеазиаты. Долли как охотничья собака

имела некоторую особенность: она безумно любила гоняться за кавказскими агамами. Эти крупные ящерицы, весьма быстрые и осторожные, чуть что – прячутся под плоскими камнями или в расщелинах. Завидев агаму, Долли срывается с места и устремляется за объектом охоты, как она считала. Агама, убегая, начинает петлять или бегать зигзагами. Долли неотступно преследовала агаму, собаку заносило на поворотах так, что некоторые плоские камни вылетали у нее из под ног. И вот, догнав желанную добычу, Долли зубами хватает ее, потом придушит и бросает. А если агама успела спрятаться под камень, Долли будет облаивать ее, пока собаку не оттащит хозяин. Иногда Долли выполняла и свое прямое предназначение, она выгоняла из укрытия кекликов, благодаря чему можно было видеть, где птицы держатся и в каком количестве.

Как-то в одном из походов на Долли неожиданно напали с воздуха, да так, что собаку пришлось взять на поводок. Ее атаковал территориальный самец сокола балобана. Птица метров с тридцати Сокол балобанпикировала на собаку раз пять-шесть, пролетая в пяти сантиметрах над головой. Вообще, если говорить о балобне как о хищнике, то, пожалуй, именно он может считаться хозяином туркестанских гор. Характер у этого сокола весьма скандальный и бесстрашный. Я сказал бы даже, что другие птицы боятся балобана. Однажды мне довелось наблюдать такую сцену на подходе к хребту Караелчи. Гнездящаяся территориальная пара курганников патрулировала свой участок. Появился чужак, тоже курганник. Самец как хозяин своей территории тут же погнал залетевшего чужака. Через некоторое время появился молодой самец беркута. Курганники на пару атаковали самца беркута и тот, периодически переворачиваясь в воздухе вверх ногами, пытался отбиться от хозяев, но все же постарался побыстрее убраться с чужой территории. Курганники торжествовали, описывая круги над своим участком. И вдруг, откуда не возьмись, со скандальными криками вторгся на территорию курганников балобан. Сокол летел прямо на кружащих хозяев. Курганники прекрасно понимали, что этот сворачивать в сторону или убежать не будет и вообще «парень» он серьезный.

(Продолжение)... >> Ýol ýazgylary